

Зайцева Татьяна Борисовна

КАТЕГОРИЯ ОТЧАЯНИЯ ИЛИ "БОЛЕЗНЬ К СМЕРТИ" В ФИЛОСОФИИ СЁРЕНА КИРКЕГОРА

В статье анализируется категория отчаяния - одна из самых важных в христианско-экзистенциальной философии Сёрена Киркегора. Особое внимание уделяется представлениям философа об истоках "болезни к смерти" и ее последствиях, рассматриваются разновидности отчаяния (отчаяние-слабость и отчаяние-вызов) и условия духовного исцеления человека, утратившего связь с Богом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/11-1/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 65-68. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

35. **Kovtun J.** Masarykův triumf: příběh konce velké války. Toronto: Sixty-Eight Publishers, 1987. 714 s.
36. **Kozák J. B. T. G.** Masaryk a vznik Washingtonské deklarace v říjnu 1918. Praha: Melantrich, 1968. 116 s.
37. **Křížek J.** Němci, Lenin a čs. legie. Praha: Vyšehrad, 1997. 110 s.
38. **Křížek J.** Nová sovětská práce o vzniku ČSR (Rec. on: J. B. Šmeral. *Obrazování Čechoslovenské republiky v 1918 roku*. Moskva, 1967. 338 s.) // *Historie a vojenství*. 1968. № 2. S. 311-316.
39. **Křížek J.** Rec. on: Oldřich Říha. *Ohlas Říjnové revoluce v ČSR* // *Historie a vojenství*. 1958. № 2. S. 308-312.
40. **Křížek J. T. G.** Masaryk a možnost obnovy východní fronty v létě 1918 // *Historie a vojenství*. 1992. № 1. S. 19-45.
41. **Kutlíková D.** K problematice stejnokrojů příslušníků československé jednotky v Rusku v roce 1918 // *Historie a vojenství*. 2002. № 4. S. 884-912.
42. **Machovec M.** Tomáš G. Masaryk: studie s ukázkami z Masarykových spisů. Praha: Melantrich, 1968. 283 s.
43. **Muška J., Hořec J.** K úloze československých legií v Rusku. Praha: Mír, 1954. 200 s.
44. **Pichlík K., Klípa B., Zabloudivá J.** Českoslovenští legionáři (1914-1920). Praha: Mladá fronta, 1996. 283 s.
45. **Revoluce v Československu a T. G. Masaryk** // *Slovenský přehled*. 1990. № 2. S. 97-99.
46. **Richter K.** Setkání dvou revolucí // *Historie a vojenství*. 1990. № 1. S. 119-134.
47. **Slovník prvního československého odboje 1914-18**. Praha, 1993. 165 s.
48. **Sluka V. T. G.** Masaryk – prezident ČSR (II): dokumenty // *Historie a vojenství*. 1990. № 5. S. 126-145.
49. **Sluka V., Králová B. T. G.** Masaryk v boji za samostatný čs. Stát: dokumenty // *Historie a vojenství*. 1990. № 3. S. 162-182.
50. **Sluka V., Králová B. T. G.** Masaryk v boji za samostatný čs. Stát (II): dokumenty // *Historie a vojenství*. 1990. № 4. S. 132-152.
51. **Štvrtecký Š.** Nová práce o čs. červenoarmejcích a légiích v Rusku (Rec. on: Klevanskij A. Ch. *Čechoslovenské internacionality i prodaný korpus*. Moskva: Nauka, 1965. 392 s.) // *Historie a vojenství*. 1966. № 3. S. 452-457.
52. **Vávra V.** Československé jednotky v armádách Dohody 1914-1918 // *Historie a vojenství*. 1988. № 4. S. 23-35.
53. **Vávra V.** Čs. internacionalisté v Rusku 1917-1918 a národnostní otázka (II) // *Historie a vojenství*. 1984. № 3. S. 93-116.
54. **Vávra V.** Čs. internacionalisté v sovětském Rusku 1917-1920 // *Historie a vojenství*. 1987. № 4. S. 104-120.
55. **Zabloudivá J.** Příspěvek k tematice propagandy v čs. vojsku v Rusku v letech 1914-1920 // *Historie a vojenství*. 2000. № 1. S. 56-65.

T. G. MASARYK AND CZECHOSLOVAK LEGION IN RUSSIA (1917-1920): NATIVE AND CZECHOSLOVAK HISTORIOGRAPHY

Al'bert Nailevich Valiakhmetov, Ph. D. in History
Department of Russian History and Teaching Technique
Kazan' (Volga Region) Federal University
albert80@mail.ru

The author considers the personality and activity of T. G. Masaryk in the native and Czechoslovak historiography, pays special attention to estimating the strategy and tactics of T. G. Masaryk in respect of the Czechoslovak legion in Russia (1917-1920), tells that the Czechoslovak historiography got through a complex way: praise in the 1920s-1930s, neglect in the 1940s, critique in the 1950s-1980s, recognition in the 1990s-2000s, and shows that the contemporary native historiography, in contrast to the soviet one, estimates T. G. Masaryk not as an "accomplice of intervention", but as a politician with his views, goals, and the tendency to implement them.

Key words and phrases: T. G. Masaryk; Czechoslovak legion; civil war in Russia; foreign armed intervention; anti-Bolshevik movement; historiography; "legend of liberation".

УДК 141.32

Философские науки

В статье анализируется категория отчаяния — одна из самых важных в христианско-экзистенциальной философии Сёрена Киркегора. Особое внимание уделяется представлениям философа об истоках «болезни к смерти» и ее последствиях, рассматриваются разновидности отчаяния (отчаяние-слабость и отчаяние-вызов) и условия духовного исцеления человека, утратившего связь с Богом.

Ключевые слова и фразы: Киркегор; категория отчаяния; «болезнь к смерти»; эстетическая и этическая стадии жизненного пути; страх; разновидности отчаяния; определение веры.

Татьяна Борисовна Зайцева, к. филол. н., доцент
Кафедра русской литературы
Магнитогорский государственный университет
tbz@list.ru

КАТЕГОРИЯ ОТЧАЯНИЯ ИЛИ «БОЛЕЗНЬ К СМЕРТИ» В ФИЛОСОФИИ СЁРЕНА КИРКЕГОРА[©]

Впервые в европейской культуре категория «отчаяния» формируется в трактатах датского мыслителя XIX века Сёрена Киркегора: философские и психологические аспекты понятия отчаяния всесторонне и

глубоко исследованы им в книге «Болезнь к смерти» (1849 г.) [5, с. 249-350]. После трудов Киркегора «отчаяние» становится важной категорией философии экзистенциализма, понятие широко используется и в психологии.

Пауль Тиллих, известный философ-экзистенциалист XX столетия, исследуя общественно-исторические обстоятельства, повлиявшие на творчество датского мыслителя, констатировал дегуманизирующее воздействие технического прогресса на все индустриальное общество XIX века, важным последствием которого «стало то, что Ницше назвал “смертью Бога”, а именно исчезновение христианского опыта и христианских символов из массового сознания западной цивилизации» [6, с. 455].

«Время и люди становятся все более и более недействительными», — размышляя о своей эпохе, тревожился датский философ [3, с. 367], назвавший смертельную болезнь духа и души своих современников, утративших подлинную связь с Богом, *отчаянием*, связывая «болезнь к смерти» с неподлинностью экзистенции.

По Киркегору, «отчаяние» представляет собой сложный экзистенциальный феномен, характеризующийся комплексным переживанием безотчетного страха, бессмысленности и абсурдности собственного существования, иллюзорности жизни, конечности бытия, чувством заброшенности в чуждый человеку мир. Источником отчаяния была безпорность человека, его неукорененность в бытии, скрытая зависимость человека как конечного существа от Ничто.

В отличие от обычного отчаяния как чувства, которое когда-нибудь испытывал любой человек, экзистенциальное отчаяние захватывает человека в самой глубине его существования. В своей книге «Или-или» Киркегор замечал: «Если же человек предается обыкновенному, временному, житейскому отчаянию, то он только вредит душе своей: внутренняя внутренних его существа — душа — не выходит из горнила отчаяния очищенной и просветленной, а, напротив, как бы цепенеет в нем, грубеет и черствеет. При этом человек одинаково вредит душе своей — стремится ли он в своем отчаянии обрести весь мир и обретает его, или отчаивается, потому что лишился мира, — в обоих случаях он смотрит на себя только как на земную, конечную величину» [4, с. 273-274].

Категория «отчаяния» в трактатах датского философа вбирает такие экзистенциальные понятия, как «скука», «меланхолия» или «уныние», «тоска», «страх», которые становятся своеобразными ступенями на лестнице, ведущей человека либо к подлинности существования, либо в бездну небытия. «Отчаяние представляет собой такое движение, которое, происходя из предельного, ставшего безысходным страха, потрясает и тотально охватывает человека во всю глубину его личности», — комментирует современный философ-экзистенциалист [1, с. 99].

Философии экзистенциализма присуще понимание страха и отчаяния как характерной почвы, на которой не только строится экзистенциальный опыт, но благодаря которой он и приобретает особую остроту. «Своеобразнейшее открытие экзистенциальной философии заключалось в том, что в ней страх был познан в его поистине основополагающем значении — как условие становления подлинного существования», — констатирует О. Ф. Больнов [Там же, с. 90].

Смысл экзистенциального страха раскрывается только в отношении индивида к самому себе и определяет степень зрелости личности, духовности человека. Страх — «головокружение свободы» [5, с. 160], которое охватывает человека перед пропастью, т.е. возможностью и необходимостью личного выбора. Человека одновременно и привлекает, и отталкивает возможность сделать решительный выбор, который требует от него мужества быть свободным, возлагает на него ответственность за собственное существование.

Как религиозный писатель С. Киркегор считал: «Единственное, что поистине способно обезоружить софистику страха, — это вера, <...> мужество отказаться от страха без страха, а на это способна только вера; вера не может тем самым уничтожить страх, но сама, будучи вечно юной, снова и снова выпутывается прочь из смертного мгновения страха» [Там же, с. 209].

Отчаяние — *всеобщая* болезнь, диагностировал Киркегор: «большая часть людей живет, не особенно задумываясь над своим духовным предназначением... отсюда и вся эта ложная беззаботность, это ложное довольство жизнью и так далее — то, что как раз и есть само отчаяние» [Там же, с. 265].

Философ приводит пример типичного представителя эпохи: «Все складывается, как в романах со счастливым концом — он <...> активный и предприимчивый человек, отец семейства и добрый гражданин, возможно, даже великий человек; в доме его слуги, говоря о нем, наделяют его неким Я: “сам хозяин!”; он имеет; его обращение с людьми выказывает человека, умеющего воздавать им должное, да и себе он воздаст должное, своей собственной личности, — а если судить по этому должному, то совершенно не подлежит сомнению, что личность у него есть. В христианском мире он христианин (точно так же, как был бы язычником при язычестве и голландцем в Голландии), который занимает свое место среди благовоспитанных христиан» [Там же, с. 289]. Такой человек может мерить себя разными внешними мерками, только не мерой человечности (что означает на языке Киркегора, мерой «не-предметности», т.е. «свободы от причинной, природной и социальной зависимости» [2, с. 7]). Главная беда и вина «человека отчаявшегося», по убеждению датского мыслителя, в том, что? несмотря на весь внешний антураж благополучности? «у него нет Я» [5, с. 289], нет ощущения своей экзистенциальной подлинности.

Самоосознание человеком своей погруженности в отчаяние является главнейшим условием преодоления болезни к смерти и пробуждения подлинного человеческого Я: «отчаяние — не разрыв, а просветление личности» [4, с. 280], поскольку ведет к осознанию человеком своего духовного предназначения. Осознанное отчаяние свидетельствует о стремлении восстановить потерянную в XIX столетии связь человека с Богом.

Категория «отчаяния» в произведениях Киркегора представлена развернутой типологией разновидностей отчаяния и «человека отчаявшегося».

Философская концепция Сёрена Киркегора о стадиях жизненного пути человека предполагает существование трех основных экзистенциальных модусов: эстетического, этического и религиозного. Философ подчеркивает, что отчаяние свойственно человеку, прежде всего, на эстетической стадии жизненного пути: «...эстетическое воззрение на жизнь — всех сортов и степеней — есть, в сущности, своего рода отчаяние; оказывается, что человек, живущий эстетической жизнью, живет сознательно или бессознательно в отчаянии» [Там же, с. 243].

Как следует из последних слов, отчаяние бывает двух основных видов: *неосознанное* и *осознанное*. Киркегор считает человека, «лишенного рефлексии самосознания или же безразличного к выяснению вопроса о смысле собственного существования, этически неразвитым, “естественным”» [2, с. 10], далеким от духовности и предательски уклоняющимся от жизни духа. «Естественный» человек представляет собой массовый тип. Скрытое отчаяние, чаще всего встречающееся в XIX веке, Киркегор называет «язычеством сегодняшнего дня» [5, с. 280].

По сути, неосознанное отчаяние, как его характеризует датский философ, можно назвать «ласковым убийцей»: человек верит в то, что он здоров, и другим кажется цветущим, в то время как «болезнь на деле свирепствует больше всего» [Там же].

Рассматривая категорию отчаяния в категориях сознания, Киркегор подчеркивает, что рост, развитие сознания способствуют росту напряженности отчаяния. С точки зрения чистой диалектики, бессознательно отчаявшийся дальше от истины, чем сознательно отчаявшийся: неосознание своего отчаяния является двойной негативностью. Однако моральная диалектика отчаяния заключается в том, что тот, кто осознал свое отчаяние и упорствует в нем, более далек от спасения, поскольку его отчаяние более напряженно [Там же, с. 279].

Осознанное отчаяние предстает в двух формах: *отчаяние-слабость* или женственное отчаяние, когда человек не желает быть собой, и *отчаяние-вызов* или мужественное отчаяние, когда человек желает быть собой. Противопоставление между ними относительно, подчеркивает Киркегор, формы отчаяния взаимопроникаемы и не зависят от пола отчаявшегося. Определение «женственное» связано с тем, как философ понимал женскую природу вообще: прирожденная особенность женского существа состоит в том, что женщине в большей степени свойственна самоотдача. Прежде чем обрести свое Я, женщина его теряет, когда «с истинной женственностью все более вкладывает себя и свое Я в объект, которому отдается», «и только так можно обрести свое счастье и, значит, вновь обрести Я». Мужественное отчаяние отличается более напряженной энергией; особенность мужской природы состоит в том, что сущность мужского Я не заключается в самоотдаче, так как субъективное углубление и доминирующий интеллект, свойственные мужчине, позволяют даже в то время, когда мужчина отдает себя, пребывать его Я в качестве «своего рода самосознания этой самоотдачи» [Там же, с. 284].

Отчаяние-слабость имеет два варианта, номинирующих две последовательные ступени развития эстетика: 1) отчаяние слабости, или отчаяние во временном (земном) и временных (земных) вещах, подверженность внешнему воздействию; 2) отчаяние по поводу своей слабости, или «отчаяние относительно вечности и в себе самом», что, по мысли Киркегора, является истинной формулой всякого отчаяния [Там же, с. 293].

Предугадывая перспективы человечества, в главе книги «Болезнь к смерти», посвященной отчаянию, когда желают быть *только* собой, С. Киркегор писал о такой степени развития человека, когда «не простирая свое отчаяние до того, чтобы в опыте возвыситься Богом, никакое производное Я не может, глядя на себя, придать себе больше, чем оно имеет; в последнее мгновение всегда есть только это Я, даже если оно умножается, это Я — ни больше, ни меньше. В этом смысле, совершая отчаянное усилие, чтобы быть собою, Я погружается в свою противоположность, пока не кончает тем, что более не является таковым» [Там же, с. 299-300].

Отчаяние-вызов представляет собой следующую ступень развития индивида и, по мнению некоторых исследователей, новый модус существования — этический. Жизнь этика погружена в отчаяние в том случае, когда он, в гордом упрямстве, «отчаянно желает распорядиться собою», хочет всем заправлять и начинает конструировать из своего Я (дарованного ему Богом) то Я, «которым оно желало бы стать», выступая собственным творцом, бросая тем самым вызов Богу [Там же, с. 299]. Совершая отчаянное усилие быть собою в отрыве от той силы, которая его установила, Я погружается в свою противоположность: размывается, все больше становится гипотетичным Я. Не приемля смирение, отказываясь от помощи свыше, воспринимаемой как самоуничтожение, Я вовлекает себя в процесс самоуничтожения. Достигнув такой степени отчаяния, человек, «возомнивший, будто его собственных — человеческих — сил достаточно для воплощения нравственности» [2, с. 12], оказывается в тупике. Я, брошенное в само себя, пожирает само себя.

По замечанию автора «Болезни к смерти», «отчаяние, когда желают быть собою, — самое насыщенное и стуженное из всех» [5, с. 303]. Такой тип отчаяния порождается не желанием самосовершенствования или «идолопоклонства перед собою» [Там же], даже не чувством протеста, такое отчаяние, по утверждению Киркегора, возникает у человека в ненависти к существованию и цель его — предать Бога.

Отчаяние — смертельная болезнь, *болезнь к смерти*. Однако Киркегор считал, что самоосознание человеком своей погруженности в отчаяние является главнейшим условием пробуждения подлинного человеческого Я и преодоления болезни к смерти: «отчаяние — не разрыв, а просветление личности» [4, с. 280], поскольку ведет к осознанию человеком своего духовного предназначения.

По страстному убеждению датского философа, отчаяние — болезнь духа и потому исцеляется «лишь силою духа <...>. Торжество духа ведет к тому, что все мелочные заботы и печали человека — недовольство

жизнью, тоскливое сознание ненужности и бесполезности своего существования — все исчезает само собой; раз человеческая личность осознает свое вечное и неизменное значение, она осознает и свое значение в земной жизни» [Там же, с. 240]. Осознанное отчаяние свидетельствует о стремлении человека восстановить потерянную связь с Богом. Этическая позиция не избавляет полностью от отчаяния, поскольку выбор собственного «Я» означает выбор самого себя в вечном значении, и только связь с Богом на религиозной стадии жизненного пути придает человеческой экзистенции смысл.

Состояние Я, когда отчаяние полностью отсутствует, формулируется Кьеркегором следующим образом: «в отношении к самому себе, желая быть собою, Я погружается посредством собственной ясной прозрачности в ту силу, которая его полагает» [5, с. 350]. Эта формула и становится для Кьеркегора определением *веры*.

Список литературы

1. **Больнов О. Ф.** Философия экзистенциализма. СПб.: Лань, 1999. 224 с.
2. **Исаев С. А.** «Диалектическая лирика» С. Кьеркегора // Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. С. 5-12.
3. **Кьеркегор С.** Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». Минск: И. Логвинов, 2005. 752 с.
4. **Кьеркегор С.** Наслаждение и долг. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 416 с.
5. **Кьеркегор С.** Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 383 с.
6. **Тиллих П.** Кьеркегор как экзистенциальный мыслитель // Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Киев: *Air Land*, 1994. С. 452-456.

CATEGORY OF DESPAIR OR “SICKNESS UNTO DEATH” IN SØREN KIERKEGAARD’S PHILOSOPHY

Tat'yana Borisovna Zaitseva, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Russian Literature
Magnitogorsk State University
tbz@list.ru

The author analyzes the category of despair - one of the most important in the Christian-existentialist philosophy of Søren Kierkegaard, pays special attention to the philosopher's ideas about the origins of “sickness unto death” and its consequences, and considers the varieties of despair (despair-weakness and despair-challenge) and the conditions of the spiritual recovery of the man, who has lost connection with the God.

Key words and phrases: Kierkegaard; category of despair; “sickness unto death”; aesthetic and ethical stages of life; fear; varieties of despair; definition of faith.

УДК 94

Исторические науки и археология

В статье рассматривается место кабинета министров в политической системе Великобритании XVIII века. Автор показывает эволюцию данного элемента британской политической системы в контексте постепенного перехода от персональной монархии к парламентской и трансформации системы парламентского правления в конституционные механизмы и структуры политического участия современного типа. Длительные процессы в истории политических институтов Великобритании показаны без отрыва от биографий политиков, событийной истории и историографии проблемы.

Ключевые слова и фразы: кабинет министров; политические институты; парламентская монархия; история Великобритании; политическая система.

Виктор Викторович Клочков, к.и.н.

Кафедра теории права

Таганрогский технологический институт

Южный федеральный университет

klochkov@tsure.ru

КАБИНЕТ МИНИСТРОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В XVIII В. ©

Несмотря на достаточную изученность XVIII века как особого периода в истории эволюции политических институтов Великобритании в целом, среди исследователей нет единства в отношении характера политических изменений, происходивших в этот период.

Распространенной является позиция, приписывающая установление конституционной монархии в стране концу XVII в. В таком контексте политическая история страны в XVIII в. рассматривается как совокупность прецедентов, способствующих формированию современных конституционных механизмов взаимодействия